

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАЗВАНИЙ С ФОРМАНТАМИ *-ngV/-nъgV* В ТОПОНИМИИ КАРЕЛИИ

Ключевые слова: финно-угорские языки, карельский язык, топонимия, этимология.

В статье рассматриваются географические названия Республики Карелия, содержащие формант *-ngV/-nъgV*. Автор детально анализирует ареальные, фонетические и структурные особенности карельских топонимов этого типа, отмечает их соотнесенность с аналогичными названиями Финляндии, Кольского полуострова и Русского Севера. Характеризуя карельские топонимы на *-ngV/-nъgV* в этимологическом и этноязыковом отношениях, автор учитывает различные возможности, однако убедительно показывает, что на определенном историческом этапе формант *-nkV/-ngV* получил в карельском языке статус самостоятельного и достаточно продуктивного средства топонимической номинации.

В топонимии Карелии выделяется целая группа названий, главным образом гидронимов, которые содержат формант *-ngV/-n(ъ)gV*. Этот топонимический аффикс известен и за пределами Карелии — в собственно прибалтийско-финской топонимии и в русскоязычной топонимии Русского Севера.

Изучение форманта началось в середине XIX в., когда российский академик И. А. Шегрен впервые попытался проанализировать ряд названий на *-ngV/-nъgV* [Sjögren, 1861, 301]. После него к вопросу об истоках форманта обращались мно-

гие исследователи Финляндии и России: М. А. Кастрен, Д. Европеус, В. Ниссиля, Э. Кивиниemi, А. Раясянен, А. К. Матвеев, Б. А. Серебренников, И. И. Муллонен и др.¹ Однако топонимы Карелии с формантом *-ngV/-nhɔV* оставались до сих пор вне поля исследований.

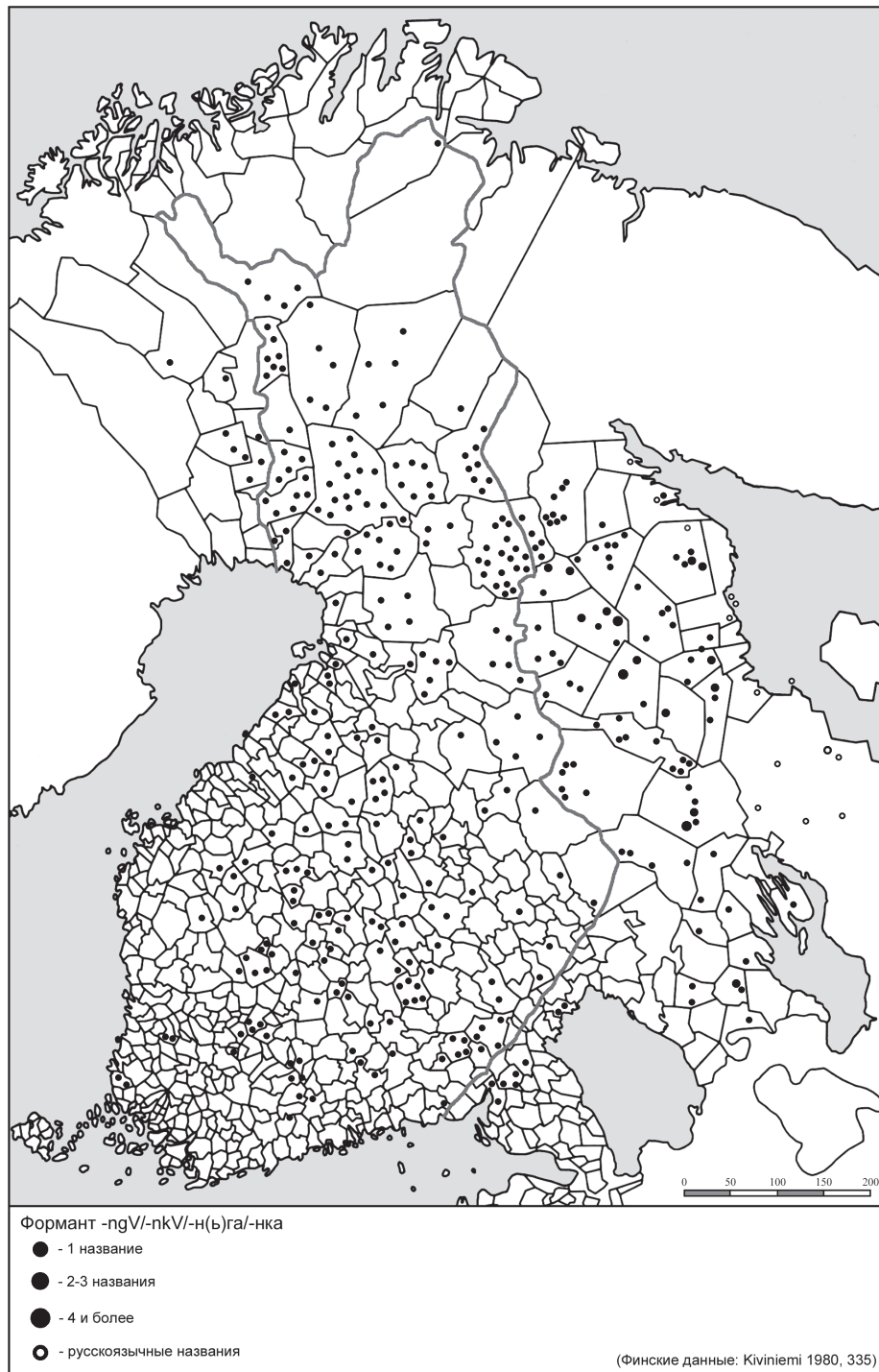
В топонимии, как известно, нередко закрепляются суффиксы, которые малопродуктивны в апеллятивном словообразовании, что обусловлено общей тенденцией разграничения апеллятивных и онимических суффиксов. Поэтому анализ топоформанта *-nkV/-ngV* должен быть предварен рядом замечаний о его функционировании в апеллятивной лексике.

На основе словарей карельского языка [KKS; СКЯ, 1990, 1994] нам удалось выявить 60 лексем, включающих формант *-nkV/-ngV*. С учетом диалектного членения карельского языка мы представили данные о продуктивности форманта в таблице; см. также карту на с. 20.

Диалекты карельского языка	Кол-во слов с формантом <i>-nkV/-ngV</i>	
	Всего	Только в данном диалекте
Севернокарельские	17	5
Южнокарельские	41	22
Южнокарельские диалекты Тверской и Ленинградской областей	2	—
Ливвиковские	24	10
Людиковские	6	1

Из данных таблицы видно, что на апеллятивном уровне рассматриваемый суффикс представлен во всех наречиях карельского языка, однако его активность в разных диалектах различна. В корпусе апеллятивов с суффиксом *-nkV/-ngV* отмечено только три слова, которые известны на всей территории Карелии: *alanko* ‘низина’, *karanko* ‘сухостойное дерево’ и *vahinko* ‘убыток, несчастье’, — при этом два последних слова представлены и в лексике карел, проживающих в Тверской и Ленинградской областях. Апеллятивы на *-nkV/-ngV* фиксируются также в вепском языковом ареале: ср. вепс. *alang* ‘низина’, *karangišt* ‘ельник с большим количеством сухостойных деревьев’, *sohring* ‘болотина’, *tazangišt* ‘равнина’, *uhring*, *urting* ‘родник, топкое вязкое место в лесу’ [ПФГЛ]. Большинство

¹ А. К. Матвеев выделяет три основные версии происхождения форманта, сложившиеся за всю историю его изучения: по определению исследователя, это «детерминантная» (терминологическая), «аффиксальная» (суффиксальная) и «генитивная» версии [подробнее см.: Матвеев, 2007, 8–12].

слов с суффиксом *-nkV/-ngV* фиксируется в южнокарельских диалектах собственно карельского наречия (главным образом в говорах Средней Карелии: Паданская и Ругозерская волости), а также в финляндской Северной Карелии.

В качестве географических терминов с конечным *-nkV/-ngV* на территории Карелии используется только 8 слов: *ahingo* ‘узкий перешеек между озером и болотом’, *alanko* ‘низина’, *burango* ‘топкое место на болоте’, *čauringo* ‘галечник, почва с гравием’, *rauningo* ‘груда камней’, *suotingo* ‘болотце’, *tazango* ‘равнина’, *ylängö* ‘возвышенность’. К этой группе, вероятно, можно отнести еще два слова, которые засвидетельствованы в топонимии, но неизвестны в качестве апеллятивов: **ypänki* ‘возвышенное место’ и **kudrinki* ‘углубление в водоеме’.

По всей видимости, непродуктивной была модель на *-nkV* и в апеллятивной географической лексике Финляндии. В частности, в исследовании Э. Кивиниеми, включающем более 200 финских географических терминов, интересующий нас суффикс фиксируется только в 7 словах: *alanko* (*alinko*), *alunki*, *kuorinki*, *ojanko*, *raivinki*, *ryöpinkö* и *ylänkö* [Kiviniemi, 1990, 64—79]. Разумеется, необходимо учитывать, что часть апеллятивов на *-nkV/-ngV* — как в Финляндии, так и в Карелии — могла не попасть в поле зрения исследователей, т. е. в действительности таких апеллятивов может быть больше. Так, Л. Хакулинен упоминает в одной из работ географические термины *kujanki* ‘неширокая дорога’, *oilinka* ‘прямой участок дороги’ и *peranko* ‘поляна, расчищенная под пашню’ [Hakulinen, 1968, 113, 142, 174], которые Э. Кивиниеми не рассматривались.

В отличие от Финляндии, где многие названия с формантом *-nkV/-ngV* обозначают достаточно крупные и важные водные объекты [см.: Kiviniemi, 1980, 334—335], в Карелии топонимы этого типа чаще всего относятся к средним или некрупным географическим объектам, которые, как правило, неизвестны за пределами местной сельской общины. Выше уже отмечалось, что в ареале современного и исторического расселения карел формант *-nkV/-ngV* представлен главным образом в гидронимии, в большинстве случаев — в лимнонимах, т. е. названиях озер. Кроме того, суффикс встречается в наименованиях рек, ручьев, порогов, островов, мысов, заливов, болот, возвышенностей и сельскохозяйственных угодий.

Всего на территории Карелии нам удалось зафиксировать 133 топонимических гнезда с рассматриваемым суффиксом, причем большинство из них (120) отмечено в карелоязычной топонимии (ср. гнездо *Hemmenki*- в топонимии Луусалми: *Hemmenkiniemi*, *Hemmenkijoki*, *Hemmenkisuari*, *Hemmenkisuot*, *Hemmenkivuara*). Из названного количества 77 основ с топоформантом *-nkV/-ngV* могут считаться раритетными, поскольку отмечены только единожды, 53 других имеют варианты и большей частью представлены двумя фиксациями, и лишь у пяти основ имеется 3—4 фиксации: *Eningi-* / *Enängi-* (3), *Kuuzingi-* / *Kuusinki-* (4), *Munangi-* / *Munanki-* (3), *Vezungi-* / *Vesunki-* (4), *Ypängi-* / *Ypänki-* (3).

Стоит отметить, что основы на *-nkV/-ngV*, засвидетельствованные в Карелии, в большинстве случаев являются раритетными и на общем прибалтийско-

финском фоне. Так, из 220 основ на *-nkV/-ngV*, отмечаемых А. Ряйсяненем в финской топонимии [Räisänen, 2003, 5–6], параллели с карельскими названиями имеют только 10: *Juomunki-* / *Juomingilammit* (Юшкозеро), *Kujanki-* / *Kujanginiemi* (Лужма), *Kuusinki-* / *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро), *Liminga-* / *Limingansuo* (Лежево), *Oulanka-* / *Oulungajogi* (Маслозеро), *Pienanki-* / *Pieninkiluoma* (Кимасярви), *Sieminki-* / *Sieminginoja* (Кизрека), *Vesanka-* / *Vezungilaksi* (Шуезеро), *Viianki-* / *Vijjanki(järvi)* (Ухта), *Vitsanki-* / *Vicangivuara* (Березовый Наволок).

Ряд параллелей к карельским названиям фиксируется также на Кольском полуострове, в Архангельской и Вологодской областях: ср. поле *Varзанга* (Нюхча) — р. *Varзеньга* (Арх.); р. и оз. *Voingi* (Воинга) — р. *Воинга* (Кольск.); р. *Enängijogi* (Конечостров) — р. *Енанга* (Влг.); оз. *Kalmungi* (Сельги) — р. *Калманьга* (Арх.); оз. *Kuollungijärvi* (Тикша) — р. *Коленьга* (Арх.); д. *Kormanka* — р. *Корманга* (Влг.); р. *Korrankijoki* (Костомукша) — р. *Корбанка* (Влг.); р. *Kuuzengijogi* (Березовый Наволок) — р. *Кузеньга* (Влг.); руч. *Kurtangioja* (Юшкозеро) — р. *Курденьга*; поле *Куртанга* (Влг.); оз. *Lemengijärvi* (Вычетайбола) — р. *Леменьга* (Арх.); озера *Puulonkijärvet* (Пулоньга) — д. *Пулонга* (Кольск.); оз. *Suksingo* (Евгора) — р. *Суксонга* (Арх.); оз. *Suulanki* (Миккола) — р. *Сулонга* (Влг.); д. *Tаваньга* — р. *Тавеньга* (Влг.); руч. *Ulango-oja* (Пелдожа) — р. *Уленьга* (Арх.); о-в *Чаванка* (Нюхча) — рчк *Чаваньга* (Кольск.); пор. *Juimingivirda* (Гагарино) — р. *Юменьга* (Арх.)². Вопрос о единых истоках подобных параллельных названий остается пока открытым.

Как и в апеллятивной лексике, в топонимии Карелии представлены различные варианты конечной огласовки рассматриваемого суффикса. В большинстве названий (около 70 %) представлен конечный гласный *-i*: руч. *Cieringioja* (Корелакша), озера *Kylmengijärvet* (Сельги), о-в *Юзминги* (Поньгома) и др. Чуть более 20 % названий имеют в суффиксе конечный гласный *-a*: возв. *Gull'unganvuara* (Лубасалма), р. *Oulankajoki* (Оланга), поле *Varзанга* (Нюхча) и др. На порядок (7,5 %) им уступает вариант суффикса с финальным *-o*: залив *Ruamingo* (Хлевनावолок), руч. *Lozungo-oja* (Кузнаволок), озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба). При этом последние два варианта суффикса фиксируются главным образом на окраинах его ареала, тогда как в центре ареала представлены исключительно названия с конечным *-ngi/-nki*.

По всей вероятности, эта вариативность конечного гласного не несет какой-либо этноисторической нагрузки. В разных зонах ареала и даже в одной микрозоне отмечаются одинаковые основы с разной конечной огласовкой форманта, ср.: озера *Eningolambi* (вариант *Eningi-*) в Шалговааре и *Eningijärvi* в Сельгах, озера *Šapšangajärvi* в Сельгах и *Šapšangojärvi* в Лубосалме, *Punangojärvet* в Гагарино и *Punankilampi* в Хайколя, р. *Pieningäjogi* в Тужне и озеро *Pieninkiluoma* (Кимасярви); ср. также варианты названия оз. *Suksingo* и *Suksingi* в Сельгах,

² Названия, относящиеся к территории Архангельской и Вологодской областей, приводятся по работе А. К. Матвеева [2007, 55–164].

залива *Urpangilaksi* и мыса *Urpenganiemi* в районе Барышнаволока, оз. *Maininkajärvi* и *Maininkijärvi* в окрестностях Аккалы.

Не наблюдается также устойчивости гласных во втором безударном слогe топонимов с формантом *-nkV/-ngV*, ср.: *Enäangi- / Eningi-*, *Gul'l'ungo- / Kul'l'ango-*, *Hemmenki- / Hemmunki-*, *Kuusinki- / Kuusenki- / Kuuzangi-*, *Levengi- / Levingi-*, *Oulanka- / Oulunka-*, *Pirtanki- / Pirtonki-*, *Punango- / Punengo-*, *Urpangi- / Urpengi-*, *Vuavungi- / Vuavangi- / Vuavengi-*. Возможно, в некоторых случаях это связано с разными истоками основ, закрепившихся в названиях.

Говоря о происхождении рассматриваемой топонимической модели на территории Финляндии, Э. Кивиниеми предполагает, что ее корни уходят в доисторическое время. На это указывают, по мнению исследователя, как этимологическая неясность наименований на *-nkV/-ngV*, так и достаточно значительные размеры многих соответствующих им географических объектов. Э. Кивиниеми предполагает также, что часть этимологически неясных названий данного типа появилась в языке саамского населения, которое когда-то проживало на территории Средней Финляндии. Затемненность топооснов исследователь объясняет, с одной стороны, возможной утратой современными саамскими языками соответствующих апеллятивов, с другой — адаптацией саамских названий языком новопоселенцев, что сильно изменило первоначальный облик саамских топонимов. Сам же топоформант *-nkV/-ngV*, по мнению Э. Кивиниеми, может восходить к прасаамскому деминутивному суффиксу *-ñdže* (*-ñče); таким образом, этот топонимический тип в Финляндии может являться параллельным прибалтийско-финскому гидронимному типу на *-nen*. В то же время исследователь предполагает, что в Финляндии целый ряд названий мог образоваться благодаря продуктивному на определенном этапе истории топонимическому суффиксу *-nkV/-ngV*, который первоначально использовался прибалтийскими финнами для адаптации к своей топонимической системе иноязычных названий [Kiviniemi, 1980, 335–337].

Возможным подтверждением происхождения топоформанта *-nkV/-ngV* из прасаамского *-ñdže* (*-ñče) могут служить зафиксированные в северных частях Беломорской Карелии географические названия, в которых параллельно выступают оба форманта, ср.: о-в *Uarinkisuari* и берег *Uarinciranta* в северной части Пяозера в окрестностях Костоваары; р. *Rievinki* в Тихтозерозерской волости и залив оз. Топозера с названием *Rievenci* близ деревни Лохгуба. Как известно, в северных частях современной Карелии саамы проживали вплоть до начала — середины XVIII в. [Чернякова, 1998, 63; Pöllä, 1995, 184; 2001, 94–98]. При этом саамское население данных территорий перешло на карельский язык естественным путем через этап билингвизма, что было хорошей предпосылкой для сохранения как старой саамской топонимии в целом, так и ее отдельных элементов, представленных здесь в саамский период. Кроме уже отмеченных топонимов на *-ncV*, названия с этим формантом фиксируются на территории современной

Карелии еще в ряде случаев, ср.: оз. *Imancarvi* > *Imancijärvi / *Imancajärvi* (Янгозеро), оз. *Korancajärvi* (Лайдасалма, Сенное озеро), возв. *Korkancivuara* (Коштоваара), о-в *Kotancisuari* (Зашеек), руч. *Livoncinoja* (Крошнозеро), о-в *Lotencansuari* (Вычетайбола), оз. и возв. *Pizancavuara* (Паданы), мыс *Povencaniemi* (Валасрека), нп *Povenca* (Повенец), о-в *Rovancisuari* (Соколозеро), р. и оз. *Tulincijoki, -järvi* (Боярская), оз. *Uomancinjärvi*, вариант *Uamancarvi* (Ругозеро), оз. *Uvancarvi* > **Uvanci-* / *Uvancajärvi* (Ругозеро), р. *Voivonci*, вариант *Voijonci* (Каличий Остров); ср. также название нп *Ilmanci* и оз. *Ilmancinjärvi* (фин. *Ilomantsi*) (Финляндия).

Предварительный анализ топооснов, оформленных суффиксом *-nkV/-ngV*, показал, что на территории Карелии их языковые истоки могут быть различными. По возможностям интерпретации топонимы данного типа можно разделить на четыре основные группы. Первая и самая большая из них — названия с этимологически неясными топоосновами: их этимологизация не позволяет пока делать определенные выводы о языке-источнике. Вторая группа — топонимы, имеющие с большой долей вероятности саамские корни. К этой группе можно отнести следующие географические названия:

оз. *Colmanki*, о-в *Colmankisuari* (Хайколя), о-в *Jolmanginsuari* (Ёлманга) < саам. *čoał'bme, čuèlm* ‘пролив’;

р. *Enängijogi* (Ровкула), озера *Eningijärvi* (Сельги) и *Eningolambi* (Шалговаара) < саам. *adne* ‘большой’ [Муллонен, 2002, 273];

р. *Kiestinkijoki* и озера *Kiestinkilammit* (Кестеньга) < саам. *kiesta* ‘заводь, встречное течение’ или саам. *giessat* ‘огибать, обходить’ [Räisänen, 2003, 151];

озера *Kuolingi* (Сельги), *Kuollungijärvi* (Чикша) < саам. *kuoll(e)* ‘рыба, рыбный’;

руч. *Kurtangioja* (Юшкозеро) < саам. *gurtte, kurtte* ‘мясо с шеи дикого оленя’ [Itkonen, 1920, 8];

р. *Lu(u)zingijogi* и оз. *Lu(u)zingi* (Емельяновка) < саам. *luos* ‘лосось’;

озера *šapsangajärvi* (Сельги) и *šapsangojärvi* (Лубасалма) < саам. *šaps* ‘сиг’ [NA];

о-в *Uarinkisuari* (рус. *Заячий*) (Костовара) < саам. *aarrí* ‘разновидность чаек серого цвета’ [Räisänen, 2003, 150];

озеро *Kuusinkijärvi*, вариант *Kuusenki-*, рус. *Кувжденьга* (Тумчезеро), р. *Кувженьга* (Ковда) < саам. *guvžá* ‘таймень’ или *kuovsi* ‘одногодовальный бобр’ [Salo, 2000, 28];

руч. *Чупинка* > карел. *Сиирпика* (Чупа) < саам. *čiiöppöš* ‘конец залива’.

К третьей группе относятся названия, которые могли включать суффикс *-nkV/-ngV* еще на дотопонимическом уровне, поскольку в этих названиях представлены известные в карельском языке апеллятивы с тем же суффиксом: р. *Hemminkijoki*, вариант *Hemmenki-* (Луусалми) < *hemmungane* ‘княженика’; озера *Juomingilammit* и руч. *Juominginoja* (Юшкозеро) < *juominga* ‘голубика’; пок. *Latinka* (Аккала) < *latinki* ‘заряд, патрон’; оз. *Maininkajärvi* и р. *Maininkijoki* (Ак-

кала) < *mainink/a*, *-i*, *-o* ‘долгая невысокая волна’. В подобных случаях, однако, не вполне ясно, входит ли в состав названия уже готовый известный апеллятив или топоним образовался иначе и не имеет с данным апеллятивом ничего общего, кроме звуковой формы.

Четвертая группа представлена топонимами, в которых с определенной долей уверенности можно выделять прибалтийско-финские основы, хотя, как и в предыдущей группе, не всегда ясна мотивированность тех или иных названий. Топонимы четвертой группы достаточно многочисленны и составляют приблизительно треть всех названий с формантом *-nkV/-ngV*. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

- возв. *Gul'l'unganvuara* (Лубасалми) < *gul'l'u* (< **kul'l'u*)³ ‘овраг’;
- пор. *Juumingivirda* (Гагарино) < *juuma* ‘глубокое место в реке’;
- оз. *Kalmungi* (Сельги) < *kalma* ‘могила’;
- оз. *Kudringilambi* (Юшкозеро) < *kutru* ‘углубление в водоеме’ [Kiviniemi, 1990, 78];
- озера *Kuuksinkolammit* (Лохгуба) < *kuukso* ‘кукша’;
- оз. *Kuuzingijärvi* (Кимасозеро) < *kuuzi* ‘ель’;
- озера *Kylmengijärvet* (Сельги) < *kylmä* ‘холодный’;
- оз. *Lemengi* (Вычетайбола) < *lemi* ‘топь’;
- озера *Lepongilammit* (Панозеро) < *lepo* ‘отдых’;
- бол. *Limingansuo* (Лежево) < *lima* ‘слизь, рупия (растение)’ [Räisänen, 2003, 70];
- руч. *Lozungo-oja* (Кузнаволоок) < *lozo* ‘низкое сырое место’;
- р. *Oulunga* (Маслозеро) < *oulu* ‘половодье’;
- озера *Punangojärvet* (Гагарино) < *puna* ‘водоворот’;
- оз. *Suarvanki* (Ухта) < *suarva* ‘выдра’;
- оз. *Suksingojärvi* (Семчезеро) < *suksi* ‘лыжа’;
- бол. *Uzmangisuo* (Ужмана) < *uzma* ‘пар, туман’;
- возв. *Uzvangivuara* (Пебозеро) < *uzva* ‘иней’;
- оз. *Vicankijärvi* (Кимасьярви) < *vicca* ‘прут’, *vicikkö* ‘кустарник’;
- оз. *Vijankijärvi* (Каменное Озеро) < *viita* (ген. *viijan*) ‘густой ельник’;
- оз. *Ypänski* (Толлорека) < *yppä* (ген. *ypän*), *ypäkkä* ‘возвышенное место’;
- поле *Varzanka* (Нюхча) < *varza* ‘жеребенок’.

В отдельных случаях вероятность того, что топонимы четвертой группы действительно имеют прибалтийско-финские истоки, возрастает, поскольку фиксируются смежные географические названия с теми же топоосновами, но без форманта *-nkV/-ngV*. Так, рядом с озером *Levenki* в окрестностях Нурмилакши находится более крупное озеро *Leviejärvi*, а в озеро *Lepungi* близ деревни Пизьмагуба впадает ручей с названием *Lepänoja*. Кроме того, подтвердить

³ О правомерности такой реконструкции позволяют говорить зафиксированные здесь же, в Поросозерской волости, наименования двух небольших озер *Guikanlambi* < **Kuikanlambi* (Янгозеро, Совдозеро).

интерпретацию того или иного названия иногда помогают природные характеристики соответствующего географического объекта. В качестве примера приведем название реки *Kuuzengijogi*, впадающей в Тунгудское озеро у деревни Березовый Наволок. Эта река, по сведениям местных жителей, течет по густому ельнику, что дает возможность уверенно связать название с карельским апеллятивом *kuuzi* ‘ель’. На наш взгляд, приведенные примеры свидетельствуют о том, что мы имеем дело с суффиксацией на топонимическом уровне.

Подтверждением того, что представленные названия четвертой группы могли быть образованы с использованием именно топонимического форманта *-nkV/-ngV*, служит и целый ряд топонимов, в которых рассматриваемый суффикс либо отсутствует, либо на его месте фиксируется другой топоформант, ср.: *Gul'l'umägi* (Кудамгуба), *Kul'l'unranda* (Топорная Гора), *Kalmajärvi* (Кургиево), *Kuuksolambi* (Кокорино), *Kuuzijärvi* (Пелкула), *Kylmäjärvi* (Бабыя Губа), *Lemijogi* (Юостозеро), *Losolampi* (Тухкала), *Oululaksi* (Корбинаволок), *Punalampi* (Хайкола), *Suksiselgä* (Юккогуба), *Suarvajärvi* (Юшкозеро), *Usmajoki* (Хайколя), *Uzmakoski* (Подужемье), *Varsansuo* (Войкула), *Viccälampi* (Линдозеро), *Viidajärvi* (Лужма), *Viijanjogi* (Семчезеро), *Ypäyzojat* (Суопасалма).

Этимологически неясные топонимы с суффиксом *-nkV/-ngV* также нередко сосуществуют в Карелии и с бессуффиксными вариантами, и с вариантами, имеющими другие топоформанты, ср.: оз. *Ciprinki* — (фин.) *Sipretinjärvi* (Чипринга); руч. *Kuatrankioja* — возв. *Kuatrakkivuara* (Хайкола); руч. *Kurtangioja* — бол. *Kurtansuo* (Пиртозеро) и возв. *Kurtinvuara* (Каменное Озеро); озера *Möllängilambi* (Чиркакемь) — *Mölläkkä* (Костомукша); протока *Orengivengi* (Суопасалма) — бол. *Orensuo* (Вингигора); ламбина *Orjangilambi* (Суопасалма) — *Orjasvuara* (Хайкола) и *Orja(n)lambi* (Рудометово); луда *Пундинка* (Поньгома) — залив *Punduni* (Ёлманга) и озера *Puntamojärvet* (Софьянга); р. и пор. *Rievinki* (Тихтозеро) — залив *Rievenci* (Лохгуба); оз. *Suulanki* — о-в *Suuluasuari* (Сулоостров); оз. *Tipingä* — поселение *Тупиницы* (Типиницы); оз. *Ulmangijärvi* — р. *Ulmajoki* (Логоварака); о-в *Uarinkisuari* — бер. *Uarinciranta* (Костоваара); оз. *Vojangi* (Суопасалма) — пор. *Vojaccu* (Надвоицы); оз. *Vuotangi* (Малая Тикша) — *Vuotanjärvi* (Гимола).

Кроме того, на территории Карелии фиксируется немало случаев, когда в топонимии определенного населенного пункта наряду со сложными по структуре названиями употребляются формы, в которых детерминант заменен формантом *-nkV/-ngV*, ср.: озера *Ciepingi* = *Cieppijärvi* (Кургиево); *Suulanki* = *Suuluajärvi* (Миккола); *Vojangi* = *Vojjärvi* (Юшкозеро); р. *Kolhanki* = *Kolhanjoki* (Ладвозеро). Подобное явление, по всей видимости, наблюдается также в русскоязычной топонимии, ср. *Гаванка* (вариант *Чаванка*) = *Гаваностров* (Нюхча).

Обращает на себя внимание и тот факт, что в Карелии многие названия на *-nkV/-ngV* группируются в относительной близости друг от друга, что, в свою очередь, может указывать на образование этих топонимов по аналогии с каким-

либо наименованием, уже содержащим формант *-nkV/-ngV*. В связи с этим можно предполагать, что этот топоформант использовался создателями имен как готовое средство топонимической номинации.

Помимо перечисленных возможностей, происхождение названий на *-nkV/-ngV* допускает и ряд других объяснений. Так, некоторые топонимы рассматриваемого типа в Карелии могли быть полностью перенесены новопоселенцами с мест прежнего проживания. Например, перенесенным могло быть название болота *Limingansuo*, зафиксированное в топонимии деревни Лежево, располагавшейся в восточной части Беломорской Карелии: к такому предположению приводит значительное количество названий (50) на *Liminka-/Limingan-* на территории соседней Финляндии. К подобным примерам относится, возможно, и название мыса *Kujanginiemi* в деревне Лужма (Средняя Карелия), находившейся неподалеку от российско-финской границы: на сопредельной территории Финляндии близ города Нурмес существует два одноименных озера (известно это географическое имя и в других частях современной Финляндии).

В основе названия залива *Urpangalaksi* в Барышнаволоке и озера *Tipingä* в Кузнаволоке могут скрываться антропонимы: ср. именование лица *Павел Ортемьев сын Урпин*, отмеченное в 1581 г. в Неноксе [АСМ, II, 156] и поселение *Типиницы* в Заонежье. В последнем примере отмечается топоформант *-ицы*, который, как известно, использовался русским населением для адаптации прибалтийско-финских *-l*-вых ойконимов, восходящих к нехристианским или дохристианским именам [Муллонен, 2002, 86–87]. Топонимисты Финляндии также предполагают возможность отантропонимического происхождения некоторых названий с формантом *-nkV/-ngV*: ср. *Aninkainen* и *Huvinkää* [Kiviniemi, 1980, 334].

Иное происхождение могут иметь топонимы рассматриваемого типа на территории проживания карел-людигов. Так, одно из названий — р. *Uslonkujogi* — фиксируется на самом юге карелоязычных территорий за пределами ареала рассматриваемого форманта, и, соответственно, компонент *-nku-* в данном названии не имеет с суффиксом *-nkV/-ngV* ничего общего, кроме звуковой формы. В названии этой реки закрепился русскоязычный вариант *Усланка*, восходящий к *Устьлонка (устье реки *Лонка*). Другой пример — название ручья *Viningä* в окрестностях деревни Пелдожа, в котором, по мнению И. И. Муллонен (устное высказывание), могла произойти замена суффикса *-nda/-ndä* на *-nkV/-ngV*.

Часть названий на *-nkV/-ngV*, как нам кажется, могла быть усвоена карельской топонимией благодаря русской модели на *-h(b)gV*, которая закрепилась главным образом в ряде официальных русскоязычных названий карельских деревень на севере Беломорской Карелии. Теперь на этой территории наряду с карелоязычными наименованиями поселений бытуют параллельные формы с топоформантом *-nkV/-ngV*, ср.: *Jolmoni* — *Jolmanki* (Ёлманга); *Kormanä*, *Kormohonkylä* — *Kormanka* (Корманка); *Sohjanansuu* — *Sohjanka* (Софьянга); *Kotijoki* — *Сууринка* = *Чупинка* (Чупа).

В современной русскоязычной топонимии Карелии нами выявлено 16 названий рассматриваемого типа, которые большей частью локализируются на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. При этом на русскоязычных территориях топонимы с формантом *-нга/-ньга/-нка* так же, как и в ареале расселения карел, имеют, по всей вероятности, различные истоки.

Учитывая опыт исследований прибалтийско-финской топонимии, можно предполагать, что и на русскоязычных территориях Карелии топоформант *-nkV/-ngV* первоначально использовался в качестве средства адаптации иноязычных топонимов русскоязычным населением. В качестве примеров рассмотрим названия реки *Кувженьга* в районе села Ковда, поля *Варзанга* в Нюхче и озера *Масленга* в окрестностях деревни Воронье Озеро. В первом случае топоосновой может выступать саамский апеллатив *guvžá* 'таймень'. Во втором случае следует учесть, что поле *Варзанга* находится рядом со значительным по размеру камнем *Коничек*, название которого может являться калькой, ср. карел. *varza* 'жеребенок'⁴. В последнем случае русскоязычное название озера *Масленга* является эквивалентом карельского *Muaseläisjärvi*, в состав которого, как видим, формант *-nkV/-ngV* не входит. В то же время нельзя исключить, что формант *-н(ь)га* в русскоязычных топонимах восходит к словообразовательному или топонимическому суффиксу, который функционировал в языке-источнике и является компонентом субстратного названия.

Название *Кестеньга*, относящееся к части деревни Летняя Река, могло быть перенесено на побережье Белого моря уже в готовом виде с территории Кестеньгской волости. К этому предположению ведет тот факт, что у жителей деревни фиксируются фамилии *Югаров* и *Лошкин*, которые были известны среди карельского населения деревни Кизрека, относившейся к бывшей Кестеньгской волости: ср. *Jukaraiset* > *Югаров* и *Loškaiset* > *Лошкин*. С другой стороны, часть поселения могла быть названа *Кестеньгой* коренными жителями деревни — по новопоселенцам, прибывшим с вышеуказанной территории.

Одно из названий — остров *Юзминги* (Поньгома) — перешло, по всей видимости, в русское топонимическое употребление из карельского. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, нехарактерная для Русского Севера конечная огласовка форманта, который имеет явные параллели с топоформантом *-ngi/-nki* на карелоязычных территориях. Тем самым данное название может являться в топонимии побережья Белого моря карельским наследием, однако значение топоосновы остается пока неясным.

В русскоязычной топонимии Карелии фиксируется еще целый ряд названий, о происхождении которых на сегодняшний день нельзя сказать ничего определенного. Среди них рчк *Маленьга* (Нюхча), ур. *Пузенга* (Сухое), луда *Пун-*

⁴ Камень **Varza(n)kivi* > камень *Коничек* > поле *Варзанга*.

динка (Поньгома-Летняя Река), о-в *Роганка* (Юково), р. *Рязанка* (Данилово), д. *Таваньга* (карел. *Tuavo*), о-в *Чаванка* — варианты *Гаванка*, *Гаваностров* (Нюхча), перешеек *Чаменьга* (Заонежье). Не исключено, что некоторые из этих названий не относятся к топонимам на *-нга/-нка/-ньга*, поскольку содержат русский топоформант *-ка*.

На основании распространения названий на *-nkV/-ngV* можно судить о том, что этот топонимический тип в Карелии имеет собственно карельские корни. Однако остается неясным, перенесен ли он в Карелию с территории Северо-Западного Приладожья или же появился на территории современной Карелии. На исторической прародине карельского этноса, например, топонимы на *-nkV/-ngV* не имеют широкого распространения — это, возможно, свидетельствует о появлении соответствующего топонимического типа в тот период, когда карельское население уже покинуло свою прародину. С другой стороны, названия с формантом *-nkV/-ngV* фиксируются, например, в топонимии карел, переселившихся в восточную часть Ленинградской области в XVII в., ср. бол. *Kivenkisuo* < *kivi* ‘камень’, пок. *Närienkinurmi* < *näre* ‘ель’. Это, в свою очередь, может свидетельствовать о вероятном существовании рассматриваемого топонимического типа на исторической родине карельского этноса, который затем активно использовал формант *-nkV/-ngV* при создании топонимов на новых территориях.

В русскоязычной топонимии Русского Севера западная граница распространения названий на *-ньга/-нка* проходит в восточной части современной Карелии. Эта граница огибает Обонежье с востока и севера, проходя из восточного Белозерья в бассейн Белого моря и лишь незначительно задевая при этом восточное Обонежье [Муллонен, 2002, 197]. В то же время модель единожды фиксируется, например, в Заонежье. В целом, на основе картины распространения русскоязычных названий на *-нга/-нка/-ньга* в Карелии можно говорить о том, что все они вписываются в ареал средневекового расселения карельского этноса. Однако вопрос о единых истоках русского *-ньга* и карельского *-ngV/-nkV* остается открытым, поскольку названия на *-нга/-ньга* широко фиксируются на всем Русском Севере, образуя крупный массив между Сухоной, Северной Двиной и Онегой [Матвеев, 2007, 42, 269]. Таким образом, нельзя исключить, что южно-беломорские и обонежские топонимы рассматриваемого типа в Карелии являются продолжением единого для Русского Севера ареала; их распространение можно связывать с населением, которое продвигалось в Карелию с востока по реке Онеге⁵.

⁵ Л. Хакулинен, рассматривавший апеллятивный суффикс *-nkV* в финском языке, отмечает, что соответствия ему обнаруживаются среди демунитивных словообразовательных суффиксов финно-угорских языков пермской ветви [Hakulinen, 1968, 113, 174]. Это обстоятельство может являться аргументом в пользу единых истоков прибалтийско-финского топоформанта *-ngV/-nkV* и русского *-н(ь)га*.

Названия с формантом *-nkV/-ngV* в Карелии и сопредельных областях отмечаются историческими документами и картами достаточно рано, с середины XVI в., ср.: оз. *Енинга* (1728) [Rytkölä, 2006, 22]⁶, карел. *Eningijärvi* (Сельги); р. *Кистенга* (1552/53) [АСМ, I, 114], карел. *Kiestinki*, совр. *Кестеньга*; оз. *Люзенга* / *Лузенга* (1718) [Чернякова, 1998, 59], *Лузенга* (1728) [Rytkölä, 2006, 22], карел. *Luzingi* (Емельяновка); залив *Munangolax* (1650) [Там же, 77], карел. *Munankilaksi* (Нильмагуба); р. *Олунга* (карел. *Oulunga*) и оз. *Олунское* < *Олунгское (1591) [МПИК, 327] (Маслозеро); залив *Пулонская губа* < *Пулонгская (1572) [АСМ, I, 200], карел. *Puulonkinlaksi* (Пулоньга-Кереть); оз. *Wiangojerf* (1650) [Rytkölä, 2006, 77], *Виангиярви* (1728) [Там же, 22], карел. *Vijankijärvi* (Каменное озеро). Приведем также ряд названий с формантом *-н(ь)га*, которые фиксируются на Кольском полуострове и в бассейне реки Онега в Архангельской области во 2-й половине XVI в.: оз. *Аренго озеро* (1575) [АСМ, II, 68] (Варзуга); место *Варенга* (1592) [МПИК, 81] (Кольский полуостров); ур. (река?) *Лазбинка* (1580) [АСМ, II, 145] (Умба); р. *Печенга* (1581) [МПИК, 277]; рчк *Чявунга* (1575) [АСМ, II, 67] (Чаваньга); реки *Неменга* (1559) [АСМ, I, 156] и *Оченга* (1572) [АСМ, II, 13] (бассейн реки Онеги).

Наличие вариантных топонимов с формантом *-nkV/-ngV* и без него, а также ряд примеров, в которых документально засвидетельствованное бессуффиксное название конца XIX в. бытует ныне с формантом, позволяют полагать, что формант *-nkV/-ngV*, по крайней мере в части названий, является относительно поздним. Это, в свою очередь, подтверждает выдвинутое выше предположение о том, что мы имеем дело именно с топонимообразующим суффиксом, который мог быть продуктивным достаточно продолжительное время и участвовать в образовании новых топонимов вплоть до конца XIX в., ср.: оз. *Вотаньяр(ви)* (1728) [Rytkölä, 2006, 22] > *Viutangijärvi* (Кургиево); озера *Лостозеро* (1591) [МПИК, 327], *Лоштозеро* (1678), *Илоштозеро* (1762) [Чернякова, 2003, 40–41] > р. *Luostanki*, *Луошталамби* (1876) [ГААО, 1876] > *Luostankilampi* (Хайкола); д. *Пежушозеро* (1762), *Пешушозеро* (1795) [Чернякова, 2003, 41], *Пежушозеро* [ГАРК, 1906] > *Piesunki*⁷; о-в *Сиприн Шары* [ГААО, 1876] > *Ciprinkisuari* (Зашеек); оз. *Ульмоозеро* (1552/53) [АСМ, I, 114], *Ульмо озеро* (1591) [МПИК, 325] > *Ulmangijärvi* (Булдыри), *Чюно-ручей* (1563) [СГКЭ, II, 447] > *Чупинка* (Чупа).

Подводя итоги, сформулируем в краткой форме основные выводы данного исследования и связанные с ними проблемы.

⁶ Автором используются карты, опубликованные в исследовании [Rytkölä, 2006]: Карта прихода Кайнуу 1650 г. Клаеса Клаессона и Карта Олонецкого уезда, составленная А. Клешиным в 1728 г.

⁷ О происхождении названия деревни *Piesunki* в Вокнаволоцкой волости существует предание, согласно которому первопоселенцем деревни был беглый, поселившийся на берегу озера. Он был очень разговорчивым, и его супруга всегда боялась, что он расскажет незнакомым людям о своем прошлом. Поэтому, когда к ним приходили гости, она всегда говорила ему: «Pie suu kiinni» — «Держи язык за зубами». Отсюда и пошло название *Piesunki*. (Записано автором в 2004 г. в деревне Вокнаволок).

Топонимы с формантом *-nkV/-ngV* имеют в Карелии достаточно четко очерченный ареал, совпадающий с территорией распространения собственно карельского наречия, что может свидетельствовать о появлении данного топонимического типа именно в среде собственно карельского населения. Основной массив названий на *-nkV/-ngV* локализован в центральных частях Беломорской Карелии; по мере продвижения на юг и юго-восток активность модели снижается. За пределами основного ареала фиксируется только 9 названий, из которых 3 представлены в топонимии карел-ливвиков, 6 — в топонимии карел-людиков. Это, возможно, связано с тем, что на определенном этапе истории собственно карельское население вливалось в среду карел (прибалтийских финнов), проживавших в южной части современной Карелии. С другой стороны, в топонимии карел-людиков компонент *-nkV/-ngV* мог возникать и иными путями.

Не получили широкого распространения топонимы на *-nga/-ньга* и в русскоязычной топонимии Карелии. Остается пока открытым вопрос о возможных единичных истоках русского и карельского топоформантов. В то же время в пределах границ Карелии до начала XX в. прослеживается определенное противостояние Обонежья, в топонимии которого формант отсутствует, и территорий, граничащих с ним с севера, северо-запада и северо-востока. Такая ареальная характеристика явно имеет под собой этноязыковую подоплеку, однако все же можно говорить о некоем едином ареале названий на *-nga/-ngi* и *-nga/-ньга* в Карелии.

Можно констатировать, что образование топонимов с помощью форманта *-nkV/-ngV* могло быть в Карелии продуктивным длительное время: это подтверждается документами XVI–XVII вв., где неоднократно фиксируются названия рассматриваемого типа. На территории распространения собственно карельских говоров этот топонимический тип достаточно популярен (более 110 названий), причем в целом ряде случаев наблюдаются варианты, в которых детерминант сложного топонима заменен рассматриваемым формантом. Кроме того, многие названия на *-nkV/-ngV* группируются в непосредственной близости друг от друга, что, вероятно, указывает на их образование по аналогии. Таким образом, можно полагать, что на определенном этапе истории суффикс *-nkV/-ngV* был продуктивен в топонимии и, в частности, использовался прибалтийскими финнами для адаптации иноязычных названий.

По происхождению формант *-nkV/-ngV* предположительно восходит к пра-саамскому деминутивному суффиксу *-ńdže* (*-ńče), который, на наш взгляд, сохранился в нескольких названиях на территории современной Карелии. Однако в топонимии, по-видимому, исходное деминутивное значение отступило на второй план, т. е. формант являлся прежде всего знаком топонима.

По всей вероятности, названия на *-nkV/-ngV* в Карелии имеют разные языковые источники. Для части основ с этим топоформантом обнаруживаются достаточно убедительные саамские или прибалтийско-финские лексические параллели, однако большинство топонимов данного типа пока не поддается

этимологизации. Во многих случаях вызывает трудности и вопрос, относится ли суффикс к апеллятиву, входящему в название, или же он был присоединен к основе при образовании топонима.

Наконец, остается пока неразрешенной проблема, связанная с появлением данного топонимического типа в Карелии: неясно, был ли он принесен карелами со своих коренных территорий или возник и распространился уже после переселения карельского этноса в современную Карелию.

- АСМ, I — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. Л., 1988.
- АСМ, II — Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. Л., 1990.
- ГААО, 1876 — Государственный архив Архангельской области. Ф. 6. Оп. 15. Д. 37. Архангельский губернский статистический комитет. Список сельскохозяйственных угодий.
- ГАРК, 1906 — Государственный архив Республики Карелия. Метрическая книга Ухтинского прихода 1906 года. Ф. 25. Оп. 23. Д. 121.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. III. Екатеринбург, 2007.
- МПИК — Материалы по истории Карелии XII–XVI вв. Петрозаводск, 1941.
- Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.
- ПФГЛ — Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.
- СГКЭ, II — Сборник грамот коллегии экономии. Т. II. Л., 1929.
- СКЯ, 1990 — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.
- СКЯ, 1994 — Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.
- Чернякова И. А. О чем не рассказал Элиас Леннрот... К истории края, где оказались сохранены и записаны эпические песни древнего народа. Петрозаводск, 1998.
- Чернякова И. А. Панозеро и его обитатели: пять веков карельской истории // Панозеро: сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2003.
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.
- Itkonen T. I. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Virittäjä. 1920. S. 1–11.
- Kiviniemi E. Nimistö Suomen esihistorian tutkimuksen aineistona // Virittäjä. 1980. № 4. S. 319–338.
- Kiviniemi E. Perustietoa paikannimestä. SKS. Helsinki, 1990.
- KKS — Karjalan kielen sanakirja. 1–5. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
- NA — Nimiarkisto. K. Nickulin kokoelma.
- Pöllä M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. SKST 635. Helsinki, 1995.
- Pöllä M. Vienan karjalainen perhelaitos 1600–1900-luvulla. SKS. Helsinki, 2001.
- Rytkölä H. Vienan tiellä. Historiallista taustaa Suomusalmen Vuokin reitille Venäjän Karjalaan (A. Kletsinin kartta vuodelta 1728). Kajaani, 2006.
- Räsänen A. Nimet mieltä kiehtovat. Etymologista nimistöntutkimusta. SKS. Helsinki, 2003.
- Salo U. Suomi ja Häme, Häme ja Satakunta. Hämeen käräjät I. Toimittanut Jukka Peltovirta. Hämeenlinna, 2000.
- Sjögren J. A. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // Gesammelte Schriften. Band I. Historisch-etnographische Abhandlungen über den finnischen-russischen Norden. VII. SPb., 1861.